

В. Н. Топоров

Исследования
ПО ЭТИМОЛОГИИ
и семантике

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

В. Н. Топоров

Том 1

Теория
и некоторые частные
ее приложения

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

ББК 81.2
Т 58

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского государственного гуманитарного фонда
(РГНФ)
проект № 02-04-16121

Топоров В. Н.

Т 58

Исследования по этимологии и семантике. Т. I: Теория и некоторые частные ее приложения. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 816 с. — (Opera etymologica. Звук и смысл). (Вклейка после с. 768)

ISBN 5-94457-186-1

Настоящее исследование предполагает три тома общим объемом более 160 авторских листов. Исследуемый материал — лексика индоевропейских языков. В центре книги — этимология славянских, балтийских, индоиранских, италийских языков; предлагаются также и этимологии лексики древнегреческого, фракийского, иллирийского, тохарского, хеттского языков. Объединяющей идеей исследования являются реконструкция и семантика, т. е. определение смысловой мотивации обозначения анализируемого слова. Реализация этих идей имеет непосредственное отношение к анализу весьма древнего пласта индоевропейского праязыка и соображениям и гипотезам, относящимся к ментальности носителей этих языков и процессам порождения смыслов и их эволюции в более поздние эпохи. Этот круг задач и соответствующих проблем органически связан и с другими нежели лексика и семантика уровнями языка, прежде всего к генезису некоторых грамматических категорий.

Книга рассчитана на специалистов в области индоевропейских языков, типологии, культурной антропологии, мифологии и ритуала.

ББК 81.2

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshchelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-186-1

© В. Н. Топоров, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	7
Открывая первую дверь.....	11

А. Общие вопросы этимологии. Некоторые смежные проблемы

О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа.....	19
Еще раз о некоторых теоретических аспектах этимологии.....	41
Парадоксы заимствований в сравнительно-исторической перспективе.....	48
Ностратика, глоссогенетика, этимология философов и поэтов (тезисы).....	52
Пространство и текст.....	55
О категории притяжательности (I. К проблеме становления. II. Древнеиндийский ракурс).....	119
О некоторых предпосылках формирования категории притяжательности.....	196

В. Число

О числовых моделях в архаичных текстах.....	226
К семантике троичности (слав. *trizna и др.).....	273
Marginalia к семантике троичности.....	292
К семантике четверичности (анатолийское *тец- и др.).....	293
Число и текст.....	317
Числовой код в заговорах.....	331
Заметка о числовом коде русских загадок.....	350

С. Имя

Об одном способе сохранения традиции во времени: имя собственное в мифопоэтическом аспекте.....	362
--	-----

Из теоретической ономотологии	372
Имя как фактор культуры	380

Д. Реконструкция

Постановка задачи реконструкции текста и реконструкции знаковой системы	384
Заметки по реконструкции текстов	415
Функция, мотив, реконструкция (несколько замечаний к «Морфологии сказки» В. Я. Проппа).....	451
К реконструкции «загадочного» прототекста (о языке загадки).....	471

Е. Ритуал, тексты, язык

О ритуале. Введение в проблематику	484
Конные состязания на похоронах.....	539
Из наблюдений над загадкой	579

Ф. Анаграммы и анаграмматизм

К исследованию анаграмматических структур (анализы)	708
---	-----

Г. Семантика

Семантика мифологических представлений о грибах.....	756
--	-----

Указатель первых публикаций	813
-----------------------------------	-----

ОТ АВТОРА

В настоящем издании, первый том которого находится перед читателем, отражены результаты почти полувекового опыта автора в исследовании этимологии и семантики (не только той, которая более или менее связана с этимологией, но и той, что представляет собой вполне самодовлеющую область языкознания). XX век (особенно его вторая половина) — время, когда семантика впервые становится не только одним из ключевых разделов языкознания, но и шире — необходимой составной частью культурной антропологии, в которой понятие смысла, его особенностей, его «генерирования» и его точного анализа выдвигается на первый план. Классические работы Э. Бенвениста, особенно такие как знаменитая статья «Problèmes sémantiques de la reconstruction» (1954), а также «Sémiologie de la langue» (1969), книга «Le vocabulaire des institutions indo-européennes» (1970) и другие работы великого французского лингвиста, по нашему мнению, знаменуют вхождение семантики в новое, более широкое и чреватое новыми идеями и методами изучения пространство. Кажется, можно с достаточным основанием сказать, что наступает время, когда семантика все более приближается к острию стрелы развития гуманитарных наук и разгадке той тайны человека, которая отделяет его от других живых существ. Само же развитие этой области знания носит интенсивный характер, и в ней можно со временем ожидать прорыва в новые сферы, в частности начала экспериментальных работ по формированию смыслов и их целенаправленному изменению.

Что же касается собственно этимологии, то в ней примерно в тот же период также достигнуты существенные успехи, но, если говорить в целом, они носят количественный — и потому скорее экстенсивный — характер. Это не значит, что за последние полвека не сделано немало нового — от существенных уточнений до новых оригинальных этимологических решений. И ес-

ли развитие этимологии носит в целом эволюционный характер, то это объясняется прежде всего недостаточным, а иногда довольно «механическим» вниманием к перспективам, открывающимся в области семантики как науки о смыслах, их взаимных связях и отталкиваниях, их «системных» эволюциях.

Здесь бы хотелось привлечь внимание еще к одной теме, уже — к одной закономерности. Обычный, так сказать «среднестатистический» человек, не лингвист, как правило, не думает, не «рефлектирует» по поводу вопросов, связанных с фонетикой и морфологией, но когда речь заходит о семантике или об этимологии (само это слово может быть неизвестно человеку, даже если ему интересно знать, почему именно так, а не иначе обозначается тот или иной объект, его качество, соответствующее определение, предикат и т. п.), «любопытательные», собственно — «любопытательные бескорыстно», люди проявляют нередко живой интерес, почему нечто названо так, а не этак. Эта заинтересованность в этом вопросе сама по себе весьма показательна и свидетельствует о чем-то серьезном, в той или иной мере даже насущном, требующим удовлетворения, потому именно, что у таких бескорыстных и стихийных «этимологов» присутствует жажда познания независимо от того, верное оно или ошибочное. В конце концов и «стихийный» этимолог и этимолог-профессионал в чем-то едины — они ищут разгадку загадки. Разница же в аргументах, процедурах и результатах.

Надо помнить, что «лингвистическая» этимология, опирающаяся на определенный круг исходных данных, могла возникнуть только после появления сравнительно-исторического метода в начале XIX века, когда весьма «начерно» была установлена система звуковых соответствий между родственными словами индоевропейских языков. Но здесь и первые этимологи-профессионалы по необходимости попадали в ситуацию логического круга — чтобы знать, что языки родственны, надо было знать систему звуковых соответствий, но чтобы знать эти соответствия, нужно было знать, что языки эти родственны между собой. Из этой сложной, логически, казалось, безвыходной ситуации выход не был виден (да и сама этимология понималась как совокупность «разных» этимологий), и начался довольно длинный период нередко ошибочных «притираний» то к «похожим» формам, то к той небезошибочной системе соответствий, которая более или менее окончательно сложилась лишь к рубежу 70—80-х годов XIX века. В начале же были романтическое воодушевление, страсть, попытки соединить в одно целое дух и материю, над которой этот дух пока витал, не зная, как с нею соединиться. В своих «Die Fragmenten» Новалис писал:

«Каждое слово имеет свое особое значение, свои побочные значения, свои ложные и весьма произвольные значения. Этимология бывает различная — генетическая, прагматическая (указывающая на правила словоупотребления).

Душа, образуя понятия, стремится к генетически-интуитивному слову (формуле), отсюда страсть к этимологиям [разрядка моя. — В. Т.]. Она постигает

понятие, когда сама же его создает и может трактовать его всеми способами — трактовать и как дух и как материю.

Придать универсальность или философское значение какому-нибудь специфичному понятию — это значит превратить в эфир, в воздух, развеществовать некий спецификум или индивидуальность. Но существует также и обратный процесс...»

В этом томе (как и в его продолжениях) представлены отнюдь не все работы автора, относящиеся к соответствующим темам, связанным с этимологией и семантикой. Прежде всего, не будут представлены (за отдельными редкими исключениями) труды, посвященные гидронимии, топонимии, ономастике, в которых присутствуют этимологические анализы; статьи, посвященные одной и той же теме, но варьирующие ее или уточняющие один из ракурсов соответствующей темы (то же относится к первым пробным подступам к теме, если позже она получает развитие и уточнение в других работах на ту же самую тему); статьи, написанные в соавторстве (хотя в нескольких немногих случаях приходится делать исключение; особенно это относится к весьма внушительному количеству статей и даже двум книгам, написанным в соавторстве с В. В. Ивановым). Наконец, в этом издании опущен ряд ранних текстов автора, темы которых в дальнейшем получили более адекватное решение. Впрочем, кое-что из ранних статей должно войти в раздел «Immitiga», где будут представлены работы, с выводами которых автор в целом согласен и сейчас, но находит возможность существенно усилить аргументацию. То же относится к ряду текстов, незаконченных и/или не доведенных до уровня, удовлетворяющего автора.

Что же касается публикуемого тома и его содержания, то здесь нужны некоторые разъяснения. Автор придерживается широкого взгляда на этимологию, если выразить свою основную мысль одной короткой фразой. Если же уточнить это понятие «широкости», то надо сказать самое общее — между так называемой «народной» этимологией и этимологией научной по большому счету нет непроходимой границы; нет ее и между этими этимологиями и этимологией, условно называемой философской или онтологической. Издревле существовали тексты, авторы которых по существу ставили себе задачей нахождение семантической мотивировки тех или иных слов. Попытки решения этой задачи предпринимались уже в древности — от явных или отчасти завуалированных опытов в текстах мифопоэтического характера открыть некую тайну того или иного слова (начиная уже с «Ригведы», где представлены «этимологические» опыты риши, или Гомера) до трудов совсем иного рода — древнеиндийского комментатора Яски (*Yāska*), жившего, видимо, еще до Панини и являвшегося автором трактата «Nirukta», в котором предпринималась попытка объяснения трудных ведийских слов из списка, называемого

«Nighaṅṭu», или опытов Платона в области этимологии в его трудах, средневековых ирландских филидов в трактате по грамматике и поэтике «Auráisept na n-Éces» («Руководство ученых») и некоторых других попыток, так или иначе связанных с этимологией, по меньшей мере с «пред-этимологией». В любом случае наличествует потребность в раскрытии «тайного» смысла слова, хотя критерии доказательности весьма различны. Но еще раз необходимо подчеркнуть потребность определенного круга людей в раскрытии внутренней связи между формой и смыслом слова, более того, между самим этимологизирующим (homo etymologicans) и этимологизируемым, словом. Разумеется, у каждого из этих двух разных случаев все кроме уже указанного различно — опора-основание, методы, критерии доказательности, наконец, представление о выборе того, кого можно было бы считать верховным судьей.

Разумеется, при всей важности уяснения того общего, что связывает «научную» этимологию с этимологией «народной», мифопоэтической, онтологической («философской»), и представления о том целом, которое обнимает все возможные типы этимологии и самого «этимологизирования», в настоящем издании речь практически всегда будет идти о «научной» этимологии, исключая раздел, посвященный анаграммам и самому феномену анаграмматизма.

Но сам «широкий» взгляд на этимологию, о котором сказано выше, предполагает не расплывчатость критериев, не своего рода всеядность, но осознание того факта, что материал этимологии не может ограничиться только словарным списком слов, что для подхода к анализу слова нужно знать «сильный» текст (как и «сильные» контексты) и «свой» для каждого слова «сильный» жанр, в которых встречается данное слово, с одной стороны, а с другой, сам тип слова, если оно принадлежит к специфической группе (как, например, имя, число, сакральные термины и т. п.). Конечно, этимология прежде всего связана с лексикой и семантикой, но нередко существенная информация извлекается и из разных разделов грамматики. Любая этимология предполагает движение мысли этимолога до предельно доступной во времени черты. Поэтому решение этимологической задачи, как правило, состоит в реконструкции первоисточника слова.

Естественно, что зависимость решения каждой конкретной этимологии зависит часто от слишком многих факторов. И поэтому в настоящий том по необходимости пришлось включить лишь относительно ограниченную часть примеров в надежде, что кое-что будет объяснено в последующих частях этого издания. Соответственно объясняется и другая особенность его — множество отсылок в связи с конкретным словом в разных частях исследования. Только попав в сложное, иногда даже очень густое пространство «перекрестных» свидетельств, слово обретает достаточную информацию, чтобы его этимология обрела доказательную силу.

ОТКРЫВАЯ ПЕРВУЮ ДВЕРЬ...

В книге в этой функции выступает после первого (чаще всего) открывающего движения титульный лист, важный, конечно, не сам по себе, но потому что именно он уступает свое нейтральное, экстенсивное пространство названию книги, заглавию, которое, по крайней мере по замыслу, и нарушает эту нейтральность, и обещает большую интенсивность, и предполагает самое явление смысла.

Само же название книги — «Избранные труды по этимологии и семантике. Некоторые вопросы глоттогенетики» — требует некоторых пояснений, так сказать, несколько более расширенного поля и/или более углубленной ретроспективы, и более целенаправленной проспективы — тем более что наука этимология, оказавшаяся на переломе двух веков (не говоря уж о двух из трех тысячелетий нашего эона), должна и более точно, и более глубоко уяснить свой статус и в пределах языкознания, т. е. науки, и вне пределов науки, потому что этимология в широком смысле дело-занятие не только ученых, но и немалого количества людей, думающих над языком, на котором они говорят, рефлектирующих над ним, умеющих задавать самим себе вопросы относительно того, что их в языке интересует, слушать возможные ответы на них, но и, сознавая свое скромное положение и ограниченные возможности, не могущих отказать себе в удовольствии (больше, чем в праве) искать истину слова, пребывающую для них в сокровенной тайне. Слишком человеческое это дело — стремление к «собственному» уразумению этой тайны, чтобы пренебрежительно проигнорировать свою тягу к упреждениям в этом занятии. «Этимологическая» ориентация человека естественна; потребность в ней и возможность ее реализации естественна, хотя именно последнее отнюдь не общее достояние. Важнее, однако, другое — есть люди, отнюдь не профессионалы-этимологи, которые принадлежат к ти-

пу homo etymologicifans «человек этимологизирующий», и их опыт отнюдь не бесполезен, правда, не в смысле научной верификации (впрочем, и здесь нельзя полностью исключать случайных «попаданий в цель»), но в более широком пространстве культурной антропологии.

Чего не хватает сегодняшней этимологии (разумеется, научной), так это глубокого уяснения своих оснований, источников, специфики развития, самого его направления, осознания своего места в контексте других наук как гуманитарного круга, так и того круга, который включает в себя теорию информации, математику в ряде ее разделов, теорию систем, теорию игр и многое другое. По существу этимология как наука имеет дело с чисто эмпирическими данностями, на основании которых восстанавливаются (впрочем, далеко не всегда) непосредственно не наблюдаемые данные. Подлинной теории этимологии, к сожалению, нет, хоть есть немало ценных заключений и наблюдений методологического характера, которые и помогают этимологу, как правило и в удачных опытах, сформулировать некий конечный результат в виде реконструкции источника исследуемого слова в том, что касается его звуковой формы и связываемого с нею смысла; при этом само движение этих связей, эволюция разных видов соотношенности звука и смысла остается вне внимания исследователя; вопрос о том, что первично в этой паре, не ставится, и сам момент соединения их в целом оказывается упущенным. Возникает как бы неразрешимая проблема, напоминающая избитые мудрствования на тему, что было раньше — яйцо или курица, семя или растение. Нечто стоящее за двумя порознь верными констатациями (курица из яйца, яйцо из курицы и т. п.) на следующем уровне глубины начинает выглядеть как нечто алогичное, неразрешимый парадокс, тупик.

Здесь не место говорить об этой проблеме и даже о подступах к ней. Уместнее напомнить о том, что звук и смысл — два основных участника порождения слова как некоей важной, отчасти даже основоположной единицы языка. Но тут же, как того требует точность, сама логика подхода к исследованию, следует сделать и следующий шаг — есть звук и звук, и есть смысл и смысл: звук как природное явление и звук как достояние антропного начала; смысл, как он восстанавливается неким идеальным наблюдателем «внеязыковых» явлений, происходящих в мире и в самом человеке, и смысл как нечто неотменно присутствующее в языке, даже в его алогизмах, бессмыслицах, единичных эвентуальных образованиях, вспыхивающих в языке, как искра в ночи, обреченная в тот же момент погаснуть и никогда уже больше в таком виде не повториться.

До изобретения письменной фиксации звуков и смыслов, явления, по сути дела и особенно в соотношении с весьма протяженной во времени историей homo sapiens, весьма позднего (середина III тысячелетия до нашей эры; «про-

тописьменные» знаки, включая логограммы, идеограммы, строго говоря, на звук не ориентировались, и он пребывал в этих системах в сокрытии, в существенной непроявленности), звук и смысл имели сферой своей феноменализации звучащую речь, хотя, конечно, были и незвуковые и даже вообще неязыковые формы явления смысла, и вместе с тем были звуки, лишённые смысла в его лингвистическом понимании («пустые»), но соотнесенные тем или иным образом с явлениями «подъязыковой» сферы.

Звук и смысл долгое время искали взаимной встречи и шли навстречу друг другу, то, казалось бы, нащупывая общую тропу, то безнадежно теряя ее из виду. Но без этой чаемой встречи в будущем или даже без самой перспективы ее ни звук, ни смысл не были ни самодовлеющими, ни полноценными, но они жаждали воплощения, потому что оно было в плане того пути, который был избран человеком, и постепенно, упорно, долго, с разных сторон шли к тому пространству, где перед ними впервые забрезжил образ благой встречи друг с другом. Звук, до поры неосмысленный, смыслом не окрыленный, есть факт природы, даже если его производит человек, выступающий пока что в ипостаси существа природного царства. Но встреча и ее пространство, в котором звук стал бы «осмысливаться», а смысл «озвучиваться», манили обоих участников этого встречного движения. Взаимная их нужда друг в друге была одновременно и предвестием, и стимулом, и вехой в формировании языка, явления, уходящего своими корнями в природное, будь оно в природе или в самом «человеке природном», а кроной в сторону того, что будет некогда названо культурой, т. е. возвращенным, возделанным, и будет явлением антропогенного по преимуществу характера.

Каждый опыт-попытка такой встречи-соединения звука и смысла, каким бы неясным и приблизительным он ни был, уже означал победу эктропического начала над энтропическим, космоса над хаосом, прорывом из царства по необходимости природного в выстраиваемое царство свободного антропного. Но чтобы раз найденная встреча или хотя бы подобие ее, простое сближение-соприкосновение и предварительное, более чем поверхностное знакомство «пред-звука» с «пред-смыслом» не только состоялось, но и хотя бы в чем бы то ни было закрепились и звук почувствовал нужду в своем осмыслении, а смысл — в звуковой форме своего воплощения, нужно было пройти по бесчисленным тропам безрезультатных встреч, срывов, неудач. Но ведь именно таким путем шла и жизнь, завоевывавшая себе место на земле гибелью ее огромных масс: одна удача на миллионы поражений, как полагал Тейяр де Шарден. Но зато каждая удача была надежным островком в океане все еще царящего хаоса, и чем больше было таких удач-островков, тем обширнее становился материк, тем быстрее совершалась космизация, тем полнее было торжество логоса, смысла и тем совершеннее

становилась звуковая форма передачи не только смысла в целом, но и тончайших нюансов его.

Смысл, конечно, и значение, но, как показывает языковая форма русского слова *смысл* и его ближайшего исторического источника праславянского **sъ-myslъ*, и тем более отдаленного праязыкового индоевропейского, речь идет о некоем отмеченном, «усиленном» значении — о благом «мысле»-смысле, подлинном, истинном, бытийственном, связанном — исходно — с Творцом, творчеством, твореньем, тварью, с эктропической осью мироустройства, включая и человекоустройство. Этот смысл достался человеку независимо от того, был ли он выработан всем человеческим опытом или дан Творцом, или — что вернее — родился во внутреннем диалоге человека и Творца не как нечто готовое, как Афина, явившаяся из головы Зевса, и не просто на поддержание и сохранение, но и на развитие его, умножение его возможностей и возрастание его мощи, на усмотрение самого человека, определяющего нужный путь, сама нужность которого проверяется ответом, даваемым на возникающий вопрос, или даже — особенно на первых порах — просто реакцией сомнения, недоумения и т. п. вплоть иногда до непонимания, понуждающего искать тропу к пониманию. Язык в этой ситуации — когда в помощь человеку, а когда и в опасный соблазн ему.

Так или иначе, понимание и непонимание, смысл и его отсутствие (и что хуже — бессмыслица) ставит перед человеком, как и перед языком, им истолковываемым, ту же дилемму — или признание своего поражения, или же победу, по крайней мере шаг вперед в познании оснований связи звука и смысла, эволюции самого соотношения того и другого, самого способа моделирования мотивировок данного смысла. Человек, пытающийся уяснить себе связь между звуковым составом слова и его смыслом и встречающий вокруг себя густой хаос, невозможность выйти на путь, ведущий к пространству, где действует какая бы то ни было логика, по определению соприродная космическому началу, пытается определить горизонт своих возможностей, прибегая к технике *bricolage*'а, в надежде на то, что случай или их череда сможет прояснить нечто — или главное, или — хотя бы — намек на него с тем, чтобы прорваться через *Holzwege* ближе к истине, к бытийственному в звуке-смысле. В этой ситуации именно звук, звук-наводчик, многократно, в принципе бесконечно репродуцируемый, может открыть сознанию, не чуждому мистическим устремлениям, нечто новое о самом смысле. Речь идет в данном случае о некоем звуковом обряде типа того, что используется в Тибете в молитвенных мельницах, когда некая священная формула повторяется многократно. Смысл таких звуковых ритуалов не в том, что в итоге истинное пробуждается и, сбрасывая с себя скрывавшие его покровы, является во всей своей смысловой полноте человеку, участвующему в ритуале, но в том, что

звуковой ритуал индуцирует в самом этом человеке некое движение, которое даст ему возможность переживания причастности к бытию, поможет прорваться сквозь шелуху паразитирующих второстепенных «смысликов» к единственному и главному с м ы с л у. Так исполнение звукового обряда приводит к открытию того звукового времени-пространства, внутри которого пребывает истинный смысл (см. *А. Харьковский. Колесо на перекрестке // Звезда, 2001, № 9, с. 229* — в контексте идеи Яниса Ксенакиса). Конечно, это тоже этимология, но не научная, хотя в неких других областях имеющая глубокий смысл. У нее много адептов — и весьма важных. Когда поэт, герменевт, философ, жрец, пророк, мистик, юрод испытывают такую тягу к открытию тайного и, главное, истинного смысла, человечество вознаграждается не достижениями, которые могли бы быть положительно оценены научной этимологией, но с а м о й с т р а т е г и е й с установкой на «выжимание-выведение» смысла из звука, выстраивающей варианты решения проблемы смысла в пределах поля, задаваемых звуками данного слова, и предполагающей те же повторные метания от смысла к звуку, от звука к смыслу с целью выявления каких-либо признаков соотнесенности, взаимной симпатии, следов своего рода «притирания» звука, льнущего к смыслу, смысла, тоскующего по воплощению в звуке. В известной далекой перспективе, очищенной от второстепенных деталей, этимология этимологов (научная, лингвистическая этимология), этимология герменевтов и философов («онтологическая» этимология, ср. опыты сократовской этимологии в платоновских текстах или соответствующие опыты в ряде древнеиндийских и иных текстов), этимология мистиков и детей, этимология остроумцев, имеющая целью развеселить и насмешить присутствующих, и случайные этимологии говорящего, не осознающего их, — все эти виды этимологии, конечно, имеют нечто общее, во всяком случае потребность в ней, интерес к ней, чувство удовлетворения этимологическим решением, сознание, что для чего-то она нужна и где-то она может пригодиться, наконец, согласие в том, что звук и смысл — пространство, в котором лежит до поры тайный клад этимологической разгадки. «Le son et le sens», — не раз говорил Р. О. Якобсон, отчетливо отмечая близость звуковой формы обоих полнозначных слов и связанность-соотнесенность их, он, возможно, и не заметил, что это его motto может быть расценено как «учено-поэтическая» (но не научная!) этимология. В ряде мифопоэтических традиций Творец, сотворивший всё, что есть в мире, последним творческим актом делает и м я н а р е ч е н и е этого всего, а сам выступает как «имя-нарекатель», безусловно, сознательно устанавливая имена и, следовательно, зная этимологии всех слов, обозначающих полный состав мира. Великий Ономатет, он оставил людям решение всех этимологических задач, что они и делают, каждый в меру своих возможностей и в зависимости от своих инте-

ресов. Разгадка звуко-смыслового плана Ономатета, к сожалению, а может быть и к счастью, несимметрична загадке. Весь именованный мир был дан человеку во всем мыслимом совершенстве, правильности, подлинности, истинности. Но меняются звуки, сдвигаются смыслы, затемняют идеальные первоимена, и этимологи, эти современные мастера в науке и искусстве эвристики, возвращают нам то, что было «в начале», в первом ономатетическом акте. Тем самым этимология — это в некотором роде очищение слова — как формы, так и смысла его — от заносов времени, от неизбежной порчи, это моделирование пространства-времени встречи звука и смысла, при котором звук перестает быть принадлежностью только природы, «физического», и «очеловечивается» смыслом, нашедшим себе воплощение в звуках в процессе своего становления. В этой перспективе этимолог-эврист продолжает труд имятворчества, приняв эстафету от первого Ономатета. Он ищет и чаще всего находит или найдет. «Кто ищет, тот всегда найдет», как говорится в песенке, и в этом — надежда и утешение этимолога, «реконструктора» *par excellence*, возвращающего нам до того сокрытое прошлое, чтобы лучше понять будущее и встретить его в нужной степени готовности, чтобы помнить, что звуковое время-пространство всегда, хотя бы потенциально, чревато семенами смысла, а смысл жаждет быть воплощенным в звуки, по крайней мере до тех пор, пока существует *homo loquens*. Участие в подлинном творении, как правило, дает переживание чувства причастности к бытию, чувства полноты жизни, связи с целым.

Если обратиться к истории научных этимологических исследований, первые подступы к которым восходят к эпохе Возрождения, то легко выделяются три периода в зависимости от роли, которая придается звукам и смыслам. Говоря упрощенно и условно, первый период ориентировался на похожесть звуков и смыслов слов в родственных языках, отражавших чаще всего разные этапы эволюции тех и других, что, собственно, с естественностью отсылало к мысли о первоисточнике данного слова и о возможности его «открытия». Одного массива «похожести» было достаточно, чтобы сложилось сравнительно-историческое языкознание и образовался значительный задел этимологических решений. Но большим был и объем ложных этимологических решений, и главной причиной последнего было довольно легкомысленное отношение к трактовке «похожих» звуков. К рубежу 70—80-х гг. XIX в. наиболее сильные умы тогдашнего сравнительно-исторического языкознания осознают, что именно звуки, их соответствия в разных языках и их изменения в ходе исторического развития остаются слабым местом и серьезно мешают прогрессу науки. «Всякое фонетическое изменение механически совершается по законам, не знающим исключений, т. е. направление фонети-

ческого изменения у всех членов одного и того же языкового коллектива всегда одинаково, е с л и не считать случая диалектного разделения, и все слова, заключающие подверженный изменению звук в одинаковых условиях, подчиняются ему безо всякого исключения», — писали Остгоф и Бругман в предисловии к первому тому своих «Morphologische Untersuchungen» (1878). Когда эта точка зрения была усвоена, произошел массовый «дефолт» многих этимологий, требовавший поправок, исправлений, нередко и полного отказа от тех или иных решений. Польза была несомненной, но нередко вместе с водой из корыта выплескивали и младенца. Ситуация была существенно сложнее, и, несмотря на начавшийся подъем словарно-этимологической деятельности в индоевропеистике конца XIX — начала XX в. (строго говоря, вплоть до его середины), можно говорить, что в целом появилось некое чувство тупиковости, и этимология вступила в свой нелучший период, хотя и приумножила свой эмпирический уровень.

В середине XX в. вспомнили и о сильно заброшенном у младограмматиков и нескольких «послемладограмматических» поколений индоевропеистов смысле, и вторая половина века прошла под знаком внимания именно к с м ы с л у, к его мотивациям, его изменениям, их типам. Достаточно назвать здесь имя Бенвениста, чтобы стало понятным, о чем идет речь. Сейчас этимология находится в периоде, когда наибольшие надежды при заданном материале связываются именно с с е м а н т и ч е с к и м уровнем. Здесь уже успели немало сделать, но всё-таки это только многообещающее начало, у которого, однако, свои трудности, опасности, соблазны и даже угрозы.

Настоящий труд, обнимающий два-три тома, представляет собою плод без малого полувековой работы в области индоевропейской этимологии, в ходе которой автор постепенно шел от звука к смыслу; от слова к его языковому контексту; от концепта-обозначаемого к его мифопоэтическим, религиозным (в частности, ритуальным), философским, историческим и иным контекстам, от славянского (уже и раньше — русского) и балтийского к индоиранскому, хеттскому, тохарскому, древнегреческому, итальянскому, древнебалканскому (фракийскому, иллирийскому и др.).

Эта книга представляет собою жанр «Избранного»: далеко не всё из написанного входит в нее. Кроме отдельных исключений в книгу не вошли этимологические исследования топономастического (особенно обильного гидронимического) материала. Лишь небольшим количеством статей представлен этимологический материал из пяти томов словаря «Прусский язык». Особенно досадную лакуну образуют весьма многочисленные этимологические экскурсы в работах автора по мифу, ритуалу, детским играм, устной словесности, художественной литературе, семиотике, истории, философии.

Впрочем, всё-таки этим работам более уместно каждой быть на своем собственном отдельном месте. Ряд статей, заметок, рецензий на этимологические труды не вошли в настоящее издание по разным другим причинам. То же, за двумя-тремя исключениями, относится и к ряду работ, написанных автором этих строк совместно с Вяч. Вс. Ивановым.

Зато было решено включить несколько основных работ автора из области глоттогенетики, в которых речь идет скорее о категориальном уровне, о «началах», как говорили ранее, об «этимологии» объектов «категориально-грамматического» уровня, иногда смыкающейся с лексической этимологией. В этом круге работ существен акцент не только на реконструкции грамматических категорий и отдельных грамем, но и на гипотезах об их связях с ментальностью человека соответствующей эпохи его развития.

В широком плане можно сказать, что собранные здесь работы — все, но нередко по-разному — посвящены сквозной теме языковой реконструкции (и это главное) и параллельно следующим темам реконструкции «прототекста», поэтических форм, сюжетов, мотивов, мифа и ритуала, философом и т. п., которые, однако, почти не нашли для себя здесь полноценного места.

А

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЭТИМОЛОГИИ. НЕКОТОРЫЕ СМЕЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

1

Этимология уже давно прочно связала себя с историческим языкознанием. Само возникновение сравнительно-исторического метода и создание сравнительной грамматики индоевропейских языков основывалось на результатах этимологических исследований в гораздо большей степени, чем принято считать. Развитие сравнительной фонетики индоевропейских языков полностью определялось успехами этимологии. И если впоследствии, с конца 70-х гг. XIX в., утвердилось мнение, что одной из важнейших основ сравнительной грамматики является принцип регулярности фонетических законов, позволяющий строить ряды соответствий и служащий инструментом и одновременно критерием надежности этимологии, то это произошло лишь потому, что в течение 35—40 лет до указанного периода в результате подвижнической деятельности Потта, Фика и других этимологов был собран огромный материал, легший в основу сравнительной фонетики индоевропейских языков. Тем не менее при сравнении места, которое занимали этимологические труды в прошлом веке и сейчас, оказывается, что доля этимологии в лингвистических исследованиях в целом уменьшается в количественном отношении, но как бы в ожидании новой этимологической «волны». Нечего и говорить, что проблемы этимологического анализа в современном теоретическом языкознании пока оттеснены на периферию. Было бы ошибочным считать такое положение случайным. Более того, в известном смысле можно сказать (хотя заранее легко предвидеть многочисленные возражения со стороны этимоло-

гов), что этимология заслуживает той участи, которую она разделяет теперь. Перед этимологией открываются два пути: или примириться с ее все уменьшающимся значением, или же выработать новые методы анализа, приведя их в соответствие с достижениями современного теоретического языкознания.

Положение этимологии в кругу других лингвистических дисциплин определяется еще одним важным обстоятельством. Деятнадцатый век передоверил двадцатому задачу подведения итогов этимологических исследований — составление этимологических словарей для большинства индоевропейских языков, в частности для всех славянских. Эта задача решается и сейчас, причем понимание целей и задач этимологии, принципы анализа материала в гораздо более значительной степени, чем в других областях языкознания, унаследованы от XIX в. Во всяком случае это утверждение вполне действительно в отношении этимологических словарей славянских языков. Поэтому естественно, что каждый новый словарь скорее отражает уже пройденный этап, чем настоящий, и сразу же по его появлении возникает необходимость или по крайней мере желание создать новый этимологический словарь.

Если обратиться к индоевропейской и славянской этимологии последних десятилетий, то окажется, что есть основания говорить об известном кризисе в этой области. Реально он проявляется в том, что за последние годы сильно уменьшилось число людей, занимающихся этимологией, и резко сократилось количество этимологических статей в лингвистических журналах и сборниках. Может быть, еще важнее то обстоятельство, что современные этимологи ищут решения своих задач, если можно так выразиться, на «непрямых путях». Дисциплинирующая сила фонетических законов и построенной с их помощью сети фонетических соответствий раньше воспринималась как необходимое условие и надежный критерий каждой строго научной этимологии. Теперь же этимолог во все возрастающей степени ощущает бремя этих законов и ищет любого удобного случая, чтобы выйти в область этимологических решений, не ограниченных столь жестко какими-либо строгими правилами. Кажется, этимологи слишком буквально поняли скорее остроумный, чем справедливый афоризм, приписываемый Мейе («все хорошие этимологии уже найдены, а те, что еще не найдены, — нехороши»), и устремились к тем средствам анализа, которые имеют дело не с правилами, а с исключениями. Отсюда — понятное перемещение интересов из области, где каждый шаг строго детерминирован, в широкие сферы, в которых каждое заключение — не больше чем одна из вероятностей и где интуиция этимолога вновь оказывается решающим аргументом. Так снова возникает вопрос об отношении *ars etymologica* к *scientia etymologica*.

Однако и на путях так называемой «традиционной» этимологии в последние десятилетия возникли новые проблемы, существенно отразившиеся

на этимологических исследованиях. Теория строения индоевропейского корня, опирающаяся, в частности, на признание двух состояний каждого корня, способных присоединять те или иные расширители или суффиксы, позволила связать в единую цепь целый ряд корней, рассматривавшихся ранее в качестве вполне самостоятельных и независимых друг от друга. Положительные последствия этого замечательного открытия для этимологии очевидны. Сейчас же хотелось бы обратить внимание на те следствия, вытекающие из этой теории, которые создают дополнительные трудности при этимологическом анализе и вынуждают и в области традиционной этимологии в большей степени ориентироваться на вероятностные заключения, чем на категорические выводы. В самом деле, принятие теории корня с двумя состояниями значительно увеличивает число возможных этимологических решений, тем более что становится малосущественной разница в тех элементах сравниваемых корней, которые некогда относились к распространению корня, а различие в огласовке корня теряет во многом свое прежнее значение. Стоит также напомнить, что некоторые языки настолько трансформировали свою фонологическую систему, что установление соответствий между ними и общеиндоевропейским если и возможно, то часто мало полезно. Речь идет не о германских или подобных им языках, где вся система смычных согласных оказалась как бы сдвинутой на один шаг; в таких случаях достижение первоначального состояния и, следовательно, установление соответствий не представляет трудности, тем более что дополнительно исследователю даны некоторые контрольные вехи для проверки (например, закономерные явления, отмеченные Вернером). Более поучительна и сложна ситуация, возникающая в тех языках, где используется код, лишенный целого ряда элементов по сравнению с общеиндоевропейским кодом. Такая ситуация встречается, например, в тохарском языке, в фонологической системе которого в известный период были сняты противопоставления по глухости-звонкости и по придыхательности-непридыхательности. Поэтому тохарский корень типа *tot-*, где *t* символизирует смычный согласный, а *o* — гласный непереднего ряда, теоретически в равной степени может считаться результатом перекодирования девяти общеиндоевропейских сочетаний — *tot*, *dot*, *dhot*, *tod*, *todh*, *dod*, *dodh*, *dhod*, *dhodh*. Если еще учесть, что и вокалический центр корня может восходить не к одной гласной фонеме, то, даже откинув некоторые корни, несовместимые с требованиями, предъявляемыми к индоевропейскому корню, получится слишком густая сеть соответствий, чтобы надеяться на достоверную этимологию данного тохарского корня. Одним словом, получается на первый взгляд примерно такая картина, которая некогда вызвала язвительное определение этимологии Вольтером как «науки, где гласные ничего не значат, а согласные значат очень мало».

Понятно, что в этих условиях особое значение приобретает вопрос о критериях надежности той или иной этимологии. Пока же этот вопрос не поставлен надлежащим образом, и строгие критерии правильности (истинности) при этимологическом анализе заменяются интуицией, которая — в конечном счете — обычно зависит от уровня знаний и от личного опыта того или иного этимолога. Нужно думать, что ни весьма полезное в частных случаях изучение историко-культурных реалий, ни обращение к помощи субстрата или адстрата, ни принятие нерегулярных, чаще всего «экспрессивных» фонетических изменений (Махек, Яначек, Ливер), ни своеобразный этимологический «дадаизм» последних работ Вайяна (если говорить только о славянской этимологии) — как порознь, так и в сочетании друг с другом — не могут вывести этимологические исследования из надвигающегося кризиса. Каждое из перечисленных здесь направлений вполне закономерно и полезно, если только при этом существует определенный контроль, своего рода «обратная связь». Суть каждого такого подхода и целого ряда других, представленных в западном языкознании, но отсутствующих в работах по славянской этимологии, сводится к интерпретации некоторой части словаря с заданной точки зрения. В любом случае большая часть слов оказывается неподходящей для этимологического анализа. Даже та небольшая часть, которая принципиально доступна анализу с точки зрения перечисленных направлений, практически оказывается еще меньшей, поскольку, между прочим, этимолог сплошь и рядом не в силах решить, отражало ли данное слово в момент возникновения культурное понятие или нет и, следовательно, может ли это слово интерпретироваться в свете историко-культурных реалий. С другой стороны, нет гарантии, что слово, рассматриваемое как экспрессивное, действительно было таковым в тот отдаленный период, когда сложилось слово и от которого не дошло до нас никаких текстов.

Так как ни одно из названных направлений не может претендовать на универсальность, предлагаемые ими пути в лучшем случае следует считать паллиативами, эффективными главным образом лишь постольку, поскольку данная область остается недостаточно исследованной.

Иногда говорят, что в современной науке наиболее результативными являются традиционные принципы этимологии и что другого направления в этимологии, которое означало бы прогресс, в настоящее время нет. С этим положением пока приходится согласиться, тем более что понятие «традиционные принципы» не определено с достаточной четкостью. Однако, как только мы перейдем от практической задачи составления этимологического словаря к более общим проблемам этимологии, окажется, что «традиционные принципы» пока довольно хорошо применимы к славянской этимологии, во многом еще не вышедшей из стадии собирания материала, но становятся ма-

лоэффективными для современной романской или германской этимологии в наиболее продвинутых ее направлениях.

Если только «традиционные принципы» в этимологии не синоним всего лучшего, что сделано в этой области, то под ними следует понимать те принципы этимологического анализа, которые выросли из достижений сравнительно-исторического языкознания и основываются на положении о регулярности действия фонетических законов. В каком объеме «традиционные принципы» этимологии включают в себя экскурсы в нелингвистические области, сказать трудно. Каждый этимолог отвечает на этот вопрос по-разному, и поэтому тут едва ли нужно говорить о традиции. Если изложенное здесь понимание «традиционных принципов» этимологии верно, то в таком случае окажется, что этимология опирается на теоретические основы, которые в самом сравнительно-историческом языкознании или подвергаются теперь достаточно серьезной критике, или переосмысливаются в соответствии с новыми взглядами. В частности, тот факт, что в настоящее время все более серьезными становятся аргументы в пользу замены старого приема сравнения отдельных изолированных элементов сравнением целых пучков элементов, образующих систему (пусть элементарную), в сочетании с открывающейся возможностью преобразовать сравнительно-историческую грамматику в структурную типологию родственных языков, делает очевидным расхождение между теоретическим основанием современной компаративистики и принципами этимологического исследования. Возникает ряд вопросов. Нужно ли бояться этого расхождения? Насколько жестко современная этимология связана со сравнительным языкознанием? Должна ли этимология и в дальнейшем опираться только на «традиционные принципы», пусть совершенствуя их? Или в будущем этимология, которая некогда уже изменила принципу омофонии, изменит и сравнительному языкознанию? Эта серия вопросов вызывает ряд других: что такое этимология? какой она станет в будущем?

Ответить на все это едва ли можно вообще, тем более в пределах одной статьи. И тем не менее на каждом повороте науки мы должны ставить подобные вопросы и пытаться отвечать хотя бы на некоторые из них. Возможно, что практическим работникам в области этимологии эти вопросы покажутся праздными и они будут ссылаться на высокую результативность «традиционного» направления. Однако представляется, что эта результативность одновременно несет в себе опасность сужения этимологической проблематики. Нужно постоянно помнить, что эта результативность объясняется единственно тем, что «традиционная» этимология с самого начала была ориентирована на принципы сравнительно-исторического языкознания. Результативность такого подхода, если угодно, была задана по условию, и поэтому «традици-

онная» этимология не может не быть результативной в тех пределах, которые ей поставлены теорией, служащей ее опорой.

2

Место этимологии в современном языкознании определяется сложным соотношением ее задач и задач других лингвистических дисциплин, без которых она не может существовать. Поэтому есть основание говорить об особом месте этимологии среди таких областей языкознания, как фонология, морфология, синтаксис, лексикология и семантика. Несмотря на тесные связи между перечисленными дисциплинами, каждая из них обладает вполне определенной автономией, в равной степени допускает изучение в двух измерениях (диахронически и синхронически), и, наконец, в любой из них чисто дистрибутивным путем можно выделить (причем без обращения к другим областям) единицы, характерные для данной области. Об этимологии этого сказать нельзя. По существу она сводится к комбинации ряда средств анализа, заимствованных из фонетики, словообразования, морфологии, лексикологии, семантики и других дисциплин, с целью решить проблему, относящуюся к сфере исторического языкознания, — проблему происхождения слова. При этом следует указать, что в каждом индивидуальном случае комбинация указанных средств не остается неизменной. Поэтому и этимологии особенно трудно дать модель акта этимологизирования. Этимология не может претендовать на то, чтобы в результате использования этих приемов были получены выводы, имеющие отношение только к ней. Если же еще добавить, что моделирование семантической стороны данной этимологии корректируется или определяется нашими познаниями в области соответствующих культурно-исторических реалий (от деталей технологии орудий производства до особенностей восприятия окружающего мира), то окажется, что этимология пока, строго говоря, не может полностью уложиться в рамки только языкознания. Она находится в известной зависимости (хотя и не во всех случаях) также от нелингвистических данных, в связи с чем некоторые ее выводы безразличны и для других областей науки.

Еще одна существенная особенность этимологии заключается в том, что она имеет чрезвычайно небольшое отношение к основной функции языка — к коммуникативной функции. Уже сам поиск этимологии данного слова означает, что его внутренняя форма не всегда ясна говорящему или понимается им неправильно. Поэтому, как правило, не может быть и речи об отношении этимологии к вопросу о коммуникативной функции. В связи с этим можно сделать два замечания. Первое — лингвист, устанавливающий этимологию

слова, этимологически темного для членов данного речевого коллектива, получает дополнительную информацию о внутренней форме далекого предшественника современного слова (например, он устанавливает, что *лес* был назван в связи со словом *пестрый*). В таком случае можно говорить о вскрытии одностороннего канала коммуникации во времени, по которому к нам поступает сообщение. Второе — о пространственной коммуникации можно говорить лишь в отношении синхронической этимологии. Случаи «народной» этимологии, заимствования, когда они ощущаются как таковые говорящими, слова с прозрачной внутренней формой, описательные слова и т. п. явления характеризуются тем, что помимо обычной информации, содержащейся в каждом слове, они несут и некоторую дополнительную (поясняющую или указывающую на определенный стилистический ключ). В таком случае можно говорить о вкладе этимологически прозрачных единиц в акт коммуникации. Однако коммуникация такого рода имеет дело не столько с обменом сообщениями с познавательной функцией, сколько с обменом сообщениями с эмотивной или поэтической функцией. Именно в этом — ключ к исследованию структуры поэтического знака и к анализу синхронической этимологии, важным источником которой является поэтический язык.

Особое положение этимологии среди других лингвистических дисциплин и ее «отсталость» проявляются, может быть, лучше всего в том, что до сих пор большинство исследователей явно или тайно основную задачу этимологии видят в поиске этимона. Правда, в последнее время чаще стали раздаваться голоса сомневающихся в целесообразности, а иногда и в реальности таких поисков. Но обычно они принадлежат не этимологам, а специалистам в области лексикологии или семантики, и основной пафос этих выступлений заключается в призыве к учету системных отношений в лексике и в семантике (ср. известное выступление Вартбурга в 1937 г.). Что касается специалистов в области этимологии, то они в большей степени пока озабочены введением некоторых средств контроля правильности этимологии (Малькиель, Пирон), чем собственно структурным подходом к этимологическому анализу. В связи с последним можно, пожалуй, назвать только Гиро, чье определение задач этимологии представляется пока наиболее удачным.

Пытаясь учесть и элементы структурного подхода, и элементы, осуществляющие контроль и корректирующие правильность данной этимологии (аналог «обратной связи» в некоторых системах), можно предложить следующее понимание задач этимологии: определение координат разных систем (фонологической, словообразовательной, лексической, семантической, поэтической и т. п.), пересечение которых порождает данное слово, и определение последующей траектории слова.